

Любавский Матвей Кузьмич

**К вопросу об удельных
князьях и местном
управлении в Литовско-
Русском государстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М33

М33 **Матвей Кузьмич Л.**
К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском
государстве / Любавский Матвей Кузьмич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
49 с.

ISBN 978-5-519-94307-9

ISBN 978-5-519-94307-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отнесся къ тому, что составляло его главную задачу. Самую эту задачу онъ недостаточно точно и ясно себѣ опредѣлилъ. За множествомъ не идущихъ къ дѣлу подробностей процессъ образованія государственной территоріи великаго княжества литовскаго остался у него недостаточно рельефно очерченнымъ, остались мало разъясненными тѣ связи, которыя стягивали присоединившіяся къ Литвѣ земли въ единую государственную территорію, остался даже не намѣченнымъ самый моментъ, когда закончилось ея образованіе. Хотя г. Леонтовичъ и много удѣлилъ мѣста въ своемъ очеркѣ удѣльнымъ князьямъ и ихъ владѣніямъ, но онъ мало, какъ будетъ показано ниже, выяснилъ, чѣмъ были удѣльные князья въ Литовско-русскомъ государствѣ, какая была разница между ними и князьями служилыми, въ какой связи состояли многочисленныя княжества съ великокняжескими владѣніями. Для вопроса объ образованіи государственной территоріи выясненіе всего этого, на мой взглядъ, должно было бы стоять на первомъ планѣ. Нельзя сказать, чтобы у г. Леонтовича ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи; но для историка-юриста, назвавшего свой трудъ очеркомъ исторіи литовскаго права, сдѣлано слишкомъ мало, и территорія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственнаго права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣщеніи.

Много лишняго сдѣлано г. Леонтовичемъ и по части библиографическихъ указаній, которыя не всегда связаны органически съ текстомъ его книги и даны только мимоходомъ. Неопытному читателю вслѣдствіе этого представляется опасность—потратить понапрасну время, просматривая книгу, указанную г. Леонтовичемъ, въ которой однако нѣтъ ничего по данному вопросу. Такъ, читатель сдѣлалъ бы крупную ошибку, еслибы, повѣривъ г. Леонтовичу, для вопроса объ образованіи государственной территоріи сталъ изучать статью Н. Иванишева „О древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи“, или статью г. Лучицкаго „Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи.“¹⁾ За библиографическія указанія въ ученыхъ трудахъ нельзя не быть благодарнымъ, но лишь только въ томъ случаѣ, если эти указанія ведутъ читателя по прямой и кратчайшей дорогѣ, послѣдовательно намѣчая ему разработку даннаго вопроса въ книгахъ и статьяхъ. Къ сожалѣнію, библиографическія указанія г. Леонтовича совсѣмъ иного характера. Въ нихъ онъ часто отмѣчаетъ труды, которые по данному

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 13, 14, прим. 2.

вопросу не даютъ рѣшительно ничего новаго, тракуютъ его совершенно несамостоятельно, по другимъ книгамъ или статьямъ, о которыхъ г. Леонтовичъ, однако, забываетъ упомянуть. Такъ, напримеръ, для справки о переходахъ Смоленска отъ Литвы къ Москвѣ и обратно отъ Москвы къ Литвѣ по ссылкѣ г. Леонтовича служатъ: *Петровъ*, Вѣлоруссія, 150. *Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты, 57. *М. Владимірскаго-Буданова*, Государства Московское и Литовское (*Кіевск. Унив. Изв.* 1882, стр. 4 и слѣд.). *Baliński*, *Starożytna Polska* IV, 478; *Słown. geograph.* X. 897. Сравн. *Kotłubaj*, *Odstęcz Smoleńska i rokój Polanowski* (1858). *Цебриковъ*, Смоленская губернія (1862). Памятная книжка Смоленской губерніи на 1857. *Мурзакевичъ*, Исторія Смоленска. 1848.—Въ этомъ перечнѣ нѣтъ ни Карамзина, ни Соловьева, которые трактовали документально исторію переходовъ Смоленска, и упомянуты труды, которые на нихъ основывались. Заставивъ читателя свѣрять свой разказъ о переходахъ Смоленска съ перечисленными книгами и статьями, г. Леонтовичъ задалъ ему много лишняго и совершенно бесполезнаго труда. Вообще въ своихъ цитатахъ г. Леонтовичъ заботился не объ удобствахъ читателя и научныхъ требованіяхъ, а лишь только о полнотѣ цитатъ, которой онъ, конечно, не достигалъ. Обзору разныхъ земель онъ предпослалъ длинные перечни книгъ и статей, изъ которыхъ читатель кое-что можетъ узнать о данной землѣ и часто совсѣмъ ничего по тѣмъ вопросамъ, которые затрогиваетъ книга г. Леонтовича. Но такимъ перечнямъ мѣсто въ специальныхъ библіографическихъ указателяхъ, а не въ ученомъ трудѣ, гдѣ они являются простымъ балластомъ. Погоня за полнотою цитатъ помимо того, что увеличила очеркъ г. Леонтовича множествомъ лишнихъ строкъ, которыхъ въ немъ и безъ того не мало, вредно отразилась на его трудѣ и въ томъ отношеніи, что развлекла его вниманіе и заставила допустить рядъ такихъ промаховъ и ошибокъ, которые довольно странно видѣть у такого строгаго и требовательнаго къ другимъ ученаго. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу на эти промахи и ошибки.

На стр. 42, въ примѣч. 1 (я буду разбирать и то, что находится въ примѣчаніяхъ у г. Леонтовича, и что часто важнѣе содержащагося въ текстѣ; у почтеннаго профессора нѣтъ настоящей границы между текстомъ и примѣчаніями), г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Радзивиламъ, кромѣ родовыхъ вотчинъ въ Литовской землѣ, въ XV и XVI вв. принадлежали обширныя владѣнія въ другихъ литовско-

русскихъ областяхъ: Олита—въ Трокской землѣ; Несвижъ, Клецкъ и Мирже въ Новгородскомъ повѣтѣ; Гонядзъ и Меделы—въ сѣверной Подляхii, именно въ Бѣльской землѣ. Въ доказательство онъ ссылается на Несѣцкаго и Балинскаго. Но по провѣркѣ оказывается, что почтенный авторъ не особенно внимательно отнесся къ ихъ сообщеніямъ. На стр. 280 и 281 четвертаго тома *Starożytna Polska*, на которыя, между прочимъ, ссылается г. Леонтовичъ, нѣтъ извѣстія о томъ, что бы Олита принадлежала Радзивиламъ. Тамъ сообщается только, что король Сигизмундъ Августъ давалъ Олиту въ доживотье женѣ своей Варварѣ Радзивиловиѣ. Почтенный профессоръ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе г. Малышевскимъ, который въ своей статьѣ „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ вольно передалъ титулъ Николая Радзивила: „Божьею милостью князь Олитскій и Несвижскій“ ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ Николай Радзивиль былъ княземъ „на Ołucie i Nieświeżu, и эта Олыка (а не Олита) находилась въ землѣ Волынской, а не Трокской, какъ это явствуетъ изъ сообщенія Балинскаго и Липинскаго ²⁾. Она досталась Радзивиламъ по женской линіи отъ пановъ Кишковъ въ началѣ XVI вѣка, равно какъ и Несвижъ ³⁾. Клецкъ попалъ во владѣніе Радзивиловъ послѣ королевы Боны, во второй половинѣ XVI вѣка; Миръ (а не Мирже) приобрѣтенъ Радзивилами отъ пановъ Ильиничей также въ XVI вѣкѣ ⁴⁾; Ганязъ или Гоніондзъ (по польскому произношенію) былъ пожалованъ Радзивиламъ въ 1509 году ⁵⁾; Мядель (а не Меделы) попала во владѣніе Радзивиловъ также въ XVI вѣкѣ ⁶⁾. Какъ же можно утверждать, что эти владѣнія принадлежали Радзивиламъ и въ XV вѣкѣ? Затѣмъ: Клецкъ и Несвижъ въ составъ Новгородскаго повѣта попали со времени областного разграниченія, производившагося въ 1564—1566 годахъ, но не ранѣе; Мядель вовсе не находилась въ сѣверной Подляхii, а въ Виленскомъ повѣтѣ при озерѣ того же имени (нынѣ Вилейскаго

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 35, прим. 1.

²⁾ *Starożytna Polska* III, 47.

³⁾ *Starożytna Polska* III, 47; IV, 505; М. Любавскаго, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута, стр. 119. Москва. 1893.

⁴⁾ *Starożytna Polska* IV, 526, 529.

⁵⁾ *Starożytna Polska* III, 459; *Bonięckiego*, *Poczet rodów*, стр. 271.

⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства стр. 112.

уѣзда), а со времени новаго областного разграниченія—въ Опшмянскомъ ¹⁾).

Еслибы г. Леонтовичъ не пропустилъ сообщенія Балинскаго и Липинскаго объ Олыкѣ, онъ, быть можетъ, не сталъ бы выводить Радзивиловъ отъ мноическихъ князей Биржанскихъ ²⁾). Въ этомъ сообщеніи прямо говорится, что Радзивилы получили титулъ князей, и при томъ Священной Римской Имперіи, отъ императора Карла V въ 1549 г., а король Сигизмундъ Августъ на сеймѣ въ Берестѣ подтвердилъ за ними этотъ титулъ. До 1549 года Радзивилы не назывались князьями, и это вовсе не потому, что они низшли въ ряды простыхъ военнослуживыхъ людей, какъ думаетъ г. Леонтовичъ. Дѣйствительные потомки князей, какъ бы низко не спускались на общественной лѣстницѣ, всегда удерживали свой титулъ, каковы, напримѣръ, князья Свирскіе ³⁾). Съ какой же стати могли потерять этотъ титулъ Радзивилы, являющіеся ближними людьми господаря, крупными землевладѣльцами съ тѣхъ поръ, какъ только начинаютъ говорить о нихъ источники? Ясное дѣло, что до 1549 года они никогда не были князьями. Г. Леонтовичъ не только выводитъ Радзивиловъ отъ мноическихъ Биржанскихъ князей, но даже разказываетъ про нихъ, что при Ягеллѣ и Витовтѣ они еще удерживали вполне значеніе удѣльныхъ владѣтелей. На чемъ основано это утвержденіе почтеннаго профессора, извѣстно только ему одному. „Лишь во второй половинѣ XV вѣка,—продолжаетъ онъ,—князья Биржанскіе Радзивиллы стали входить въ разрядъ литовскихъ служивыхъ князей“. И это утвержденіе—вполнѣ голословное, при томъ же мало говорящее воображенію о перемѣнѣ, происшедшей въ положеніи Радзивиловъ, въ виду слѣдующей оговорки г. Леонтовича: „Впрочемъ Радзивиллы еще долго пользовались, если не *de jure*, то *de facto* положеніемъ владѣтельныхъ князей. Въ 1564 г. Кристофъ Радзивиллъ даетъ г. Бирже привилей на магдебургское право, подтвержденный затѣмъ королемъ. Какъ выше замѣчено, Николай Радзивиллъ титулуется въ грамотѣ 1562 года „Божіею милостію княземъ Олыцкимъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Ibidem., стр. 111, 112, 126—133; *Starożytna Polska* IV, 199, 504, 528.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 42, 43.

³⁾ Въ 1528 году нѣкоторые изъ нихъ выставили на ратное поле одного коня, а самое большое—четыре. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ I, л. 36.

⁴⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 2.

кого происхожденія этотъ титуль. Что же касается дарованія магдебургскаго права, то неужели г. Леонтовичъ полагаетъ, что это какое-то особенное право князей? Даровать магдебургское право своему мѣсту могъ тогда всякій панъ съ утвержденья господаря, какъ было и въ данномъ случаѣ ²⁾). Г. Леонтовичъ на стр. 35 и 203 своего очерка самъ же разказалъ о погонѣ литовскихъ магнатовъ XVI вѣка за княжескимъ титуломъ, о дѣятельной фабрикаціи родословныхъ и привилеевъ на княжеское достоинство, и самъ же вѣрить въ эти родословныя. Не проще ли было объяснить выдающееся положеніе Радзивиловъ именпо тѣмъ, что они были „добрыми думцами“ литовскихъ господарей, и не тревожить уже прахъ Наримунта, старшаго сына Завилейскаго князя Ромунда ³⁾). Если предки Радзивиловъ и были когда нибудь князьями, то развѣ только такими, о которыхъ говорятъ наши лѣтописи при Мендовгѣ ⁴⁾).

На стр. 43, изображая судьбу другаго миенческаго княжества—Утенскаго, г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Княжество Утенское существовало въ качествѣ самостоятельной области до конца XIV вѣка, когда большая его часть вошла въ составъ коронныхъ владѣній великихъ князей Литовскихъ“. Въ доказательство того, что Утена была великокняжескою волостью въ концѣ XIV вѣка, г. Леонтовичъ указываетъ, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ (?) привилей евреямъ 1388 г., упоминается будто бы державца Утенскій—князь Михаилъ Глинскій. Обратившись къ привилею, данному евреямъ въ 1388 году въ *Луцкѣ*, мы въ дѣйствительности не найдемъ въ немъ и не можемъ найти имени кн. Михаила Глинскаго. „А при томъ были тые светкове,—читаемъ здѣсь: князь Федоръ, воевода Луцкій, будучи того часу Зимонть (а Рымонть) рыцаре, а любо бояре зъ Литвы, и тежъ Минкайло изъ Ошмены, и тежъ зъ Литвы иншіе бояре“.—Гдѣ же нашелъ г. Леонтовичъ кн. Михаила Глинскаго? Въ припискѣ къ этому привилею, которая содержитъ указаніе на его подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ „лѣта нароженія Христова пелторы тысячи и семь“ ⁵⁾). Ясное дѣло, что вышеупомянутый князь Михаилъ Глинскій не кто иной, какъ

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управление Литовско-Русскаго государства, стр. 788.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 1.

⁴⁾ Ibidem, стр. 48.

⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 108, 109; С. А. Бершадскаго, Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 1. С.-Пб. 1882.

извѣстный и перензвѣстный князь Михайлъ Львовичъ Глинскій, бывшій державцею Утенскимъ въ концѣ княженья Александра и въ началѣ княженья Сигизмунда ¹⁾, всѣ другія лица, присутствовавшія въ господарской радѣ вмѣстѣ съ княземъ Глинскимъ,—должностныя лица того же времени. Съ такимъ вниманіемъ почтенный профессор читалъ столь важный для него документъ! Но за то тутъ же онъ составилъ такую ученую цитату относительно княжества Утенскаго: „См. *Baliński*, *Starożytna Polska*, 2-е изд., IV, 220—225. *Sulimierski*, *Słown. geogr.* X, 600. *Niesiecki*, *Herbarz*, 2-е изд. III, 473; IV, 119; VIII, 370“. Неужели г. Леонтовичъ серьезно полагаетъ, что эта цитата *научно* обосновываетъ то, что онъ говоритъ о княжествѣ Утенскомъ? Вѣдь всѣ приведенныя имъ сочиненія черпали свои свѣдѣнія изъ одного и того же мутнаго источника—изъ литовскихъ генеалогическихъ и топографическихъ домысловъ и преданій; издатели же „Географическаго словаря“ пересказывали то, что даетъ *Starożytna Polska*, какъ въ большинствѣ случаевъ они поступали относительно Литвы и западной Россіи. Конечно, отчего не воспользоваться и преданіемъ, но пользоваться надо съ оговоркою, что это преданіе; а г. Леонтовичъ разказываетъ о княжествѣ Утенскомъ такъ, какъ будто бы все то, что онъ говоритъ, основано на точныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Такова его манера и въ отношеніи къ другимъ княжествамъ въ Литовской землѣ, манера, которая можетъ вводить только въ заблужденіе читателей, не вооруженныхъ знаніемъ литературы и источниковъ трактуемаго вопроса.

На стр. 56—61 своего очерка г. Леонтовичъ ставитъ гипотезу о существованіи особаго Городенско-Бѣльско-Кобринскаго княжества въ концѣ XIV вѣка, по смерти Ольгерда. Онъ предполагаетъ, что Кобринъ былъ взятъ тогда Кейстутомъ и вмѣстѣ съ Бѣльскомъ отданъ имъ „въ значеніи вѣна“ (посага?) за дочь или родственницею княжною Вассою *русскому* князю Михаилу Семеновичу, владѣвшему будто бы Городномъ въ Подляхii (близъ Бѣльска). Такъ, по его мнѣнію, лучше всего объяснить показанія актовъ, относящихся до церкви Рождества Богородицы въ Бѣльскѣ, именно: грамоты короля Александра 1507 года (?!), гласящей, что церковь основана „зъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки нашео“; ревизіи

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 88.

1637 года, свидѣтельствующей, что церковь основана „нѣкгда княземъ Михайломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ и княгинею Вассою“; описанія фундушей бѣльскихъ церквей, составленнаго въ 1787 году и повторяющаго фактъ основанія вышеупомянутой церкви „od I. O. książąt *Ruskich* Michała y Wasila Semenowiczów Horodeńskich, Bielskich y Kobińskich dziedziców“ (г. Леонтовичъ вмѣстѣ съ Вольфомъ признаетъ, что князь Василій попалъ сюда вмѣсто княгини Вассы по ошибкѣ составителя описи, не умѣвшаго разобрать вышеупомянутую грамоту короля Александра 1507 г.). Изъ этихъ показаній, казалось бы, надо считаться только съ показаніями первыхъ двухъ документовъ, имѣющими самостоятельный характеръ. Показанія описанія 1787 г. не даютъ ничего новаго, да къ тому же идутъ отъ лица, по признанію самого г. Леонтовича, не умѣвшаго читать старинныхъ русскихъ пергаминовъ. Тѣмъ не менѣе г. Леонтовичъ беретъ отсюда наименованіе князя Михаила Семеновича русскимъ и придаетъ ему особенное значеніе. „Здѣсь мы наталкиваемся,—говоритъ онъ,—на фактъ, имѣвшій мѣсто чуть ли не во всѣхъ русскихъ областяхъ Литовскаго государства.—фактъ существованія удѣльныхъ князей русскаго происхожденія и послѣ присоединенія западной Руси къ Литвѣ“. На нашъ взглядъ, мы здѣсь не наталкиваемся ни на что подобное: составитель описанія 1787 года назвалъ князя Михаила Семеновича не по чему другому „русскимъ“, какъ потому, что онъ былъ *русской* вѣры и построилъ *русскую* церковь, похороненъ въ *русской* церкви. Вѣроятно, г. Леонтовичу не безызвѣстно, что значилъ терминъ „русскій“ въ западной Руси въ XVIII вѣкѣ. Г. Леонтовичъ заставляетъ этого русскаго князя Михаила владѣть какимъ-то подляшскимъ Городномъ, которое онъ разыскивалъ на картѣ г. Андрияшева. но безуспѣшно. Намъ это нисколько не должно удивлять, потому что никакого особеннаго подляшскаго Городна не существовало. Всѣ тѣ акты, на которые ссылается г. Леонтовичъ въ доказательство того, что существовало особое подляшское Городно ¹⁾, относятся въ дѣйствительности къ Городну на Нѣманѣ, которое граничило и съ Ганяземъ, и съ Райгородомъ, и съ Бѣльскомъ ²⁾. Пробовалъ ли г. Леонтовичъ, взявъ въ руки подробную карту, слѣдить по ней за тѣми ограниченіями Городен-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 58, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр 176—180, 184—186 и карту.

скаго повѣта, на которыя онъ указываетъ? Мы говоримъ: нѣтъ; иначе онъ не сталъ бы доказывать ими существованіе особаго подляскаго Городна на сѣверо-востокѣ отъ Бѣльска. У насъ подъ руками не мало было актовъ, относящихся къ Подляшью вообще и къ Бѣльскому повѣту въ частности и современныхъ тѣмъ ограниченіямъ, на которыя указываетъ г. Леонтовичъ. Но ни малѣйшихъ признаковъ существованія особаго подляскаго Городна мы въ нихъ не встрѣтили и, на сколько намъ извѣстно, о таковомъ Городиѣ нѣтъ никакихъ указаній и въ существующихъ историко-географическихъ трудахъ, такъ что честь открытія его должна принадлежать всецѣло г. Леонтовичу. Ему же принадлежитъ и установленіе особеннаго смысла въ названіи „бабка“. Вольфъ совершенно ясно показалъ, кто такая была княгиня Васса, и какимъ образомъ она доводилась королю Александру бабкою. Эта была—княжна Гольшанская, сестра королевы Софіи (жены Ягелла), бывшая въ первый разъ замужемъ за княземъ Иваномъ Владимировичемъ Ольгердовичемъ¹⁾. Но такъ какъ она жила въ XV вѣкѣ, а г. Леонтовичу слѣдовало отыскать княгиню Вассу XIV вѣка, то онъ отвергъ мнѣніе Вольфа о княгинѣ Вассѣ: по его словамъ, король Александръ въ своей грамотѣ называетъ княгиню Вассу бабкою въ общемъ смыслѣ прародительницы (?), а не потому, чтобы она приходилась ему дѣйствительно бабкою, хотя бы и не родною. Но такое толкованіе г. Леонтовича уже чрезчуръ вольное: мы не знаемъ другихъ примѣровъ употребленія словъ „дѣдъ“ и „бабка“ въ такомъ неопредѣленномъ и даже неопредѣлимомъ значеніи, на которомъ настаиваетъ г. Леонтовичъ. Въ виду всего этого, съ полнымъ правомъ можно сказать, что вся гипотеза г. Леонтовича объ особомъ Городенско-Бѣльско-Кобринскомъ княжествѣ конца XIV вѣка виситъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою никакихъ основаній въ источникахъ.

Какъ же, однако, быть съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ, и Кобринскимъ? На нашъ взглядъ можно допустить существованіе старшаго брата Михаила у князя Ивана Семеновича *Кобринскаго*; онъ могъ быть современникомъ княгинѣ Вассѣ и жениться на ней, когда она овдовѣла (послѣ 1446 г.). Предполагать это можно съ тѣмъ большею вѣроятностью, что у князей Кобринскихъ были уже семейныя связи съ домомъ князей Гольшанскихъ: князь Семень Романовичъ былъ женатъ на княжнѣ Юліаніи Се-

¹⁾ *Wolffa*, Ród Gedimina, str. 104. Kraków. 1886.

меновнѣ Гольшанской ¹⁾). За теткою своею Казимиръ могъ дать Бѣльскъ если не въ вотчину, то въ доживотье. Такая щедрость не должна насъ удивлять, если мы припомнимъ, какъ много сдѣлали для Казимира князья Гольшанскіе при возведеніи его на литовскій престолъ, не говоря уже о близкомъ родствѣ съ нимъ и княгини Вассы, и князей Кобринскихъ. Княгиня Васса жила съ мужемъ въ Бѣльскѣ и въ то время фундовала церковь Рождества Богородицы по совѣту съ мужемъ. Повидимому она пережила мужа и умерла, не имѣя отъ него дѣтей, послѣ чего Бѣльскъ спалъ на господаря, который назначилъ туда своимъ намѣстникомъ пана Бартоша Монтовтовича (онъ выступаетъ по актамъ въ 1484 году, какъ разъ по смерти княгини Вассы) ²⁾). Князь Михаилъ Семеновичъ, повидимому, владѣлъ имѣніями въ Городенскомъ повѣтѣ, по близости отъ Бѣльска, изъ которыхъ также жаловалъ церковь Рождества Богородицы по особымъ грамотамъ. Имѣя подъ руками эти грамоты, составитель той надписи объ основаніи церкви, о которой упоминаетъ ревизія 1637 года, и повеличалъ его княземъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ, не умѣя иначе объяснить жалованныхъ грамотъ кн. Михаила, относящихся къ повѣту Городенскому, какъ тѣмъ, что онъ былъ княземъ въ Городѣ. Это тѣмъ легче могло произойти, что надпись составлялась въ 1562 году, когда церковь переносили на другое мѣсто. Къ тому времени память о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ могла уже затемниться, а имѣвшіеся въ церкви грамоты его обветшать настолько, что и разобрать ихъ, какъ слѣдуетъ, было трудно. На это указываетъ и то обстоятельство, что древнѣйшая фундушевая грамота Богородичной церкви дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ списокъ съ подлинника, который переписчикъ не могъ уже полностью прочесть, а потому кое-гдѣ пополнилъ по собственному разумѣнію, вслѣдствіе чего получились разныя несообразности. На эти несообразности г. Леонтовичъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя и сдѣлалъ укоръ Вольфу въ невнимательности къ актамъ, относящимся до князя Михаила Семеновича. Онъ процитировалъ *bona fide* ³⁾ грамоту, въ которой титулъ короля Александра такой, какой польскіе короли могли носить только съ 1634 года, со времени заключенія Поляповскаго мира: „великій король (?) Польскій,

¹⁾ Ibidem, str. 129.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 85; *Wolffa*, Ród Gedimina, str. 104.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 56, прим. 5.

князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомойтскій, *Сверскій*, Мазовецкій, *Инфлянскій* и иныхъ“: помѣчена эта грамота 17-го апрѣля 1500 года, когда короля Александра уже не было на семь свѣтъ (умеръ 19-го августа 1506 года); подписана она какимъ то Василиемъ Горностаемъ, писаремъ совершенно неизвѣстнымъ по другимъ источникамъ того времени ¹⁾. Еслибы г. Леонтовичъ остановился надъ всѣмъ этимъ и поискалъ бы объясненія всѣмъ этимъ несообразностямъ, тогда, быть можетъ, онъ напалъ бы и на болѣе прямую дорогу къ князю Михаилу Семеновичу Городенскому, Бѣльскому и Кобринскому. Предоставляемъ читателю самому разсудить, чья гипотеза имѣетъ подъ собою болѣе основаній, наша ли или гипотеза г. Леонтовича.

На стр. 77 очерка г. Леонтовича находится удивительное сообщеніе о князѣ Михаилѣ Борисовичѣ Тверскомъ. „Во второй половинѣ XV столѣтія,—говоритъ почтенный профессоръ,—выдѣляется въ Слонимскомъ повѣтѣ волость Лососино, пожалованная князю Михаилу Борисовичу, *сыну московскаго выходца* (съ 1393 года) *тверскаго князя Бориса Александровича*“. Что это за московскій выходецъ, *тверской* князь Борисъ Александровичъ, ушедшій въ Литву съ 1393 года, мы не знаемъ и ждемъ на этотъ счетъ разъясненій г. Леонтовича. Мы знаемъ, что Борисъ Александровичъ († 1461) былъ отцомъ послѣдняго *великаго князя* тверскаго Михаила Борисовича, и этотъ Михаилъ Борисовичъ ушелъ въ Литву и тамъ держалъ въ кормленьѣ нѣсколько волостей. Лососина принадлежала именно этому *великому князю* тверскому, какъ это совершенно ясно изъ жалованныхъ грамотъ на эту волость, выданныхъ въ 1504 г. князю Василию Львовичу Глинскому, а въ 1510 году, послѣ измѣны его, князю Семену Александровичу Чорторыйскому ²⁾. Почему г. Леонтовичъ не пошелъ за прямыми указаніями источниковъ и предпочелъ удивить читателя вышеупомянутымъ сообщеніемъ, остается тайною ³⁾.

¹⁾ Справ. *Wolffa*, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego. Kraków. 1885. Этимъ трудомъ г. Леонтовичъ почему-то совершенно не пользовался, а между тѣмъ знакомство съ нимъ могло бы предотвратить нѣкоторые грубые ошибки, вкравшіяся въ его очеркъ, о чемъ см. ниже.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 218; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 56. Справ. *Соловьева*, Исторія Россіи, т. V, стр. 61 по изд. второму.

³⁾ Впрочемъ, мы готовы разъяснить эту тайну. На стр. 354 книги г. Бонепкаго *Poczet rodów* г. Леонтовичъ прочиталъ: „W 1393 r. potwierdził Borys Alexandrowicz, w. ks. twerski, ugodę zawartą z Witoldem, w. ks. Litewskim. Cod. Epist. Vitoldi i M. L. 6“. И въ такомъ видѣ это сообщеніе—прямая несообраз-